№ 5 (101) 2021 ТЕМА НОМЕРА

Субсидиарная ответственность отцов и детей

17.06.2021 СТАТЬИ НАСЛЕДСТВО

С осени 2019 г. идет обсуждение темы привлечения наследников к ответственности по долгам бизнесменов. Анализируя два громких дела — Самыловских и Шефер, Анастасия Шамшина приходит к выводу, что общая тенденция правоприменительной практики отвечает принципу «все тайное становится явным». Ответственность недобросовестных бизнесменов должна переходить к их наследникам и распространяться на имущество их детей.

Стоила ли игра свеч

Сегодня в СМИ широко обсуждается дело Самыловских, в котором в рамках банкротства ООО «Альянс» возник вопрос о привлечении детей топ-менеджера компании-банкрота к субсидиарной ответственности. Дело имеет определенную схожесть с кейсом ООО «Амурский продукт» — привлечением к ответственности детей Михаила Шефера, которое мы рассмотрим детально.

В рамках дела о банкротстве ООО «Амурский продукт» его кредитор (ООО «РН-Востокнефтепродукт») обратился с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц — генерального директора Степана Руденко и его заместителя Михаила Шефера, подозреваемых в массовом хищении нефтепродуктов, переданных должнику на хранение дочерней организацией ПАО «НК «Роснефть» — ООО «РН-Востокнефтепродукт». Это событие, по мнению судов, и привело к

возникновению признаков объективного банкротства ООО «Амурский продукт».

В 2015 г. Михаил Шефер погиб в результате ДТП, после чего уголовное дело, возбужденное в отношении него по п. б ч. 4 ст. 158 УК РФ, было прекращено. По этой причине кредитор в качестве ответчика в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности указал наследников М. Шефера — его супругу (родную сестру генерального директора С. Руденко) и двоих сыновей. Иск к наследникам М. Шефера был ограничен пределами наследственной массы.

Нижестоящие суды пришли к выводу, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства неразрывно связано с личностью контролирующего лица (далее — КДЛ), в связи с чем на его наследников не может быть возложена обязанность по возмещению убытков в порядке субсидиарной ответственности. Ответственность КДЛ перед кредиторами не может рассматриваться как деликтная, поскольку является дополнительной по смыслу ст. 399 ГК РФ. Однако эта позиция была оспорена в Верховном Суде РФ, сделавшем иные выводы.

Толкование позиции ВС РФ

На наш взгляд, Верховный Суд разобрался в правовом вопросе практически безупречно. Действительно, обязательство, вытекающее из субсидиарной ответственности, не является неразрывно связанным с личностью и не прекращается со смертью контролирующего лица, потому что субсидиарная ответственность — это ординарная имущественная обязанность, которая, как и любой другой пассив наследодателя, передается вместе с его активом.

Волю юридического лица (пусть и опосредованно) определяют его управленцы. При этом любой топ-менеджер — прежде всего человек, а мы помним слова героя бессмертного романа Михаила Булгакова: «Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»

Есть суждение, согласно которому любая гуманитарная дисциплина в основе своей

подчиняется математическим принципам. К. Маркс считал, что наука только тогда достигает совершенства, когда пользуется математикой. Поэтому попробуем взглянуть на стоящий перед нами вопрос права как на простую математическую задачу.

Возьмем три стандартных неизвестных: X — наследственная масса, Y — обязательства, вытекающие из причинения вреда, Z — субсидиарная ответственность.

Теперь, как при доказывании геометрической теоремы, определим несколько исходных правил:

> наследственная масса X состоит как из активов умершего лица, так и из его пассивов;

> пассив наследодателя среди прочего включает обязательства, которые возникли в результате причинения вреда Y;

> субсидиарная ответственность Z, несмотря на то, что является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, по своей правовой квалификации представляет собой деликтную ответственность, то есть ответственность, вытекающую из причинения вреда.

Итак, решение нашей задачи:

> обязательство, вытекающее из причинения вреда, Y является составной частью наследственной массы X;

> субсидиарная ответственность Z равна обязательству, вытекающему из причинения вреда, Y; значит субсидиарная ответственность Z является составной частью наследственной массы X. Это решение будет неверным только в том случае, если мы квалифицируем субсидиарную ответственность как неразрывно связанную с личностью виновника (контролирующего лица). Но почему это не так?

ВЫДЕРЖКА ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВС РФ № 303-ЭС19–15056

«Субсидиарная ответственность по обязательствам должника (несостоятельного лица) является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица. Поэтому долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (ст. 1064 ГК РФ). Обязанность компенсировать свое негативное поведение в виде привлечения к субсидиарной ответственности не является неразрывно связанной с личностью и входит в наследственную массу. Иное толкование допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов. При этом для реализации права кредитора на судебную защиту не имеет значения, до или после смерти контролирующего лица предъявлен иск. В последнем случае требование предъявляется либо к наследникам, либо к наследственной массе и может быть удовлетворено только в пределах стоимости наследственного имущества. Кроме того, не имеют правового значения следующие обстоятельства:

> вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество, которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность;

> было ли известно о наличии соответствующего долга наследодателя на момент открытия наследства.

Применение к субсидиарной ответственности при банкротстве положений ст. 399 ГК РФ является ошибочным. Названной статьей урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

После смерти наследодателя наследники не всегда имеют возможность объяснить причины управленческих решений наследодателя, поскольку, как правило, не располагают полным набором доказательств, которые мог бы представить наследодатель. В связи с этим судам необходимо оказывать

наследникам содействие в получении доказательств по правилам ч. 4 ст. 66 АПК РФ»[*].

Ответственность можно представить в качестве медали: одна ее сторона символизирует карательную функцию ответственности, другая — компенсационную функцию. Поскольку карательная функция достигает своей цели через наказание и демонстрацию порицания, личность причинителя вреда для нее действительно важна. Но в компенсационном значении ответственность привязана только к имущественной массе. Никакой исключительной связи с личностью здесь не возникает. Нижестоящие суды в деле ООО «Амурский продукт» смешали две эти функции и сделали невозможным достижение ни одной из целей ответственности. Наказывать умершего нельзя, но и компенсировать вред кредиторам тоже нельзя, ведь его причинителя уже нет в живых.

Действительно, в отношении ряда обязательств законодатель ввел категорию неразрывной связи с личностью. Но у нас есть общее правило, согласно которому имущественные обязанности, неразрывно связанные с личностью, прекращаются только на будущее время [1]. То есть в ситуации, когда обязанности, связанные с личностью гражданина (например, по уплате алиментов или налоговых начислений), не были исполнены при его жизни, в результате чего образовалась задолженность, обязанность по ее погашению переходит к наследникам. Долг из субсидиарной ответственности ведь тоже возникает еще при жизни контролирующего лица, в момент причинения им вреда сообществу кредиторов. Поэтому такой долг в общем порядке переходит к наследникам.

Само по себе включение субсидиарной ответственности в наследственную массу не означает вменения наследникам статуса контролирующего лица. Речь идет только об имущественной составляющей. Более того, наследники защищены правилом о том, что, если наследственное имущество в принципе отсутствует или его недостаточно, обязательство перед кредитором прекратится за невозможностью исполнения (п. 1 ст. 416 ГК).

Почему защищают наследников: в чем справедливость

Оппоненты позиции Верховного Суда обосновывают свои доводы категориями, носящими сугубо социальный и «бытовой» характер в духе «несправедливо отнимать имущество у детей», «дети топ- менеджера банкрота не знали об особенностях бизнеса своего родственника», «какими механизмами дети станут защищаться от требований кредиторов?» и т. п.

Если говорить о справедливости, то методом использования простых знаков «+» и «–» мы приходим к тому, что истинного баланса интересов удастся достичь, только если мы признаем, что обязательства из субсидиарной ответственности передаются по наследству. Наглядная демонстрация этого суждения приведена в таблице ниже.

Стоит сказать, что морально-этические и социальные факторы возымели действие на тройку судей, однако не в полной мере. Верховный Суд обратил внимание на информационное неравенство и указал на необходимость оказывать содействие наследникам в получении доказательств. С одной стороны, вывод высшей судебной инстанции носит общий характер — содействие при необходимости следует оказывать сторонам в любом другом арбитражном процессе (ч. 4 ст. 66 АПК РФ). С другой стороны, действительно, привлечение к убыткам в формате субсидиарной ответственности сопряжено с применением доказательственных презумпций. В связи с этим представляется, что информационный

голод наследников будет создавать трудности при следующих обстоятельствах:

- опровержении факта непередачи руководителем арбитражному управляющему финансовой и иной документации должника, что существенно затрудняет проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве;
- доказывании номинального характера руководства должником со стороны наследодателя;
- защите делового решения (business judgment rule), которое влечет за собой освобождение контролирующего лица от ответственности.

Хотя на ослабление действия презумпций при предъявлении требований к наследникам топ-менеджера и распространение на такие споры общих правил о распределении бремени доказывания (ст. 65 АПК РФ) Верховный Суд не решился, представляется, что суды будут более внимательны и восприимчивы к просьбам наследников об оказании содействия в процессе доказывания. Это уже наблюдается на практике. Бесспорно, на стороне ответчика по требованию о привлечении наследников к субсидиарной ответственности может выступать лицо, испытывающее тяжелые эмоциональные переживания в связи с потерей родственника и не обладающее знаниями и информацией о специфике бизнеса компании-банкрота и тонкостях ее отношений с контрагентами, необходимыми для того, чтобы без труда опровергнуть позицию заявителей. Однако ситуация отсутствия доступа к информации возможна в любом процессе по возложению на наследников в рамках наследственной массы ответственности по долгам наследодателя. К примеру, если с наследников взыскивается сумма полученного займа, последние также могут не обладать информацией о частичном погашении заемной суммы в адрес кредитора. Отсюда следует, что несправедливо делать исключение для кейсов о привлечении наследников к убыткам в форме субсидиарной ответственности по причине того, что субсидиарная ответственность — не экстраординарный механизм, а стройно включенный в действующую правовую систематику инструмент (разновидность ответственности, вытекающей из причинения вреда, — деликтная ответственность).

Дело «Самыловских»: круговая порука

«Дело Самыловских», в рамках которого к субсидиарной ответственности были привлечены сыновья обанкротившегося бизнес топ-менеджера, является продолжением тезиса о том, что субсидиарная ответственность — это генеральный деликт (ст. 1064 ГК). Однако по поводу выбора способа защиты в указанном деле есть некоторые вопросы. Топ-менеджер и его супруга подарили сыновьям восемь объектов недвижимости и два транспортных средства. Молодым людям в тот момент было 20 и 15 лет, соответственно. Налоговая служба решила применить механизм привлечения к субсидиарной ответственности ко всем участникам

этой схемы. При рассмотрении дела на первом процессуальном круге Верховный Суд отметил необходимость проверить, стали ли дети реальными собственниками имущества, подаренного родителями, и преследовали ли они, получая имущество в дар, наряду с приобретением права собственности другую цель — освободить указанное имущество от обращения взыскания со стороны кредиторов их родителей по деликтным обязательствам. То есть предполагается оценка наличия или отсутствия умысла детей на совершение противоправных действий по сокрытию имущества от обращения взыскания. Однако суд первой инстанции возложил обязанность доказывания отсутствия вины на самих детей руководителя и, сочтя, что таких доказательств представлено не было, привлек детей руководителя к субсидиарной ответственности. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали такой подход.

Вместе с тем в юридическом сообществе имеет место позиция, которой придерживается и автор статьи. Верным механизмом защиты в указанной ситуации было бы инициирование спора о признании недействительными сделок по отчуждению имущества детям топ-менеджера. Добраться до указанного имущества как источника погашения можно было бы в рамках процедуры банкротства самого руководителя. Спорные активы подлежали бы возврату в имущественную массу такого лица. В системном толковании доступных способов защиты именно контролирующее лицо несет риск ответственности по долгам фирмы — частью пула имущества последнего должны признаваться активы, отчужденные в пользу детей, минуя личность последних.

Таким образом, несмотря на спорность выбранного инструмента защиты прав кредитора в деле о банкротстве ООО «Альянс», общая тенденция правоприменительной практики отвечает принципу «все тайное становится явным». В текущий момент сформировавшиеся подходы позволяют выровнять ситуацию, «накренившуюся» в силу недобросовестных действий бизнесменов.

---

[*] http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1844366

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами

законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

Анастасия Шамшина адвокат, руководитель рабочей группы Коллегии адвокатов г. Москвы «РКТ»

СТАТЬИ НАСЛЕДСТВО